

Андрей Николаевич СОБОЛЕВ

*Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург),
Марбургский университет (Германия, Марбург)
sobolev@staff.uni-marburg.de*

О парадигме полевого исследования недоминантного билингвизма на Балканах

Балканское языкознание обращается к редкому лингвистическому объекту — конвергентной группе неблизкородственных языков, именуемой языковым союзом. Данная группа определяется эксклюзивным сочетанием собственно языковых союзообразующих признаков (т. наз. лингвистических балканизмов) с признаком географическим — речь идет о языках Юго-Восточной Европы, а именно всего Балканского полуострова и части Карпатского региона. Союз составляют соседствующие живые индоевропейские языки — греческий, албанский, балканороманские и балканославянские; дискусионен вопрос, входят ли в него цыганский, сефардский и другие языки ареала. Роль лингвистического субстрата союза отводится мертвым палеобалканским языкам, тогда как роль суперстрата — османотурецкому.

Речь идет об интегральной лингвистической дисциплине, целью которой является установление *констант и доминант развития* изучаемых языков, а именно устойчивых и постоянно воспроизводящихся субстанциональных и функциональных внутриязыковых характеристик, ареальных и социолингвистических паттернов. Появление каждого нового языка на Балканском полуострове в результате миграции его носителей, как кажется, неизбежно приводило к лингвистической балканизации — включению этого языка в процессы конвергентного структурного развития с его новыми соседями. Результаты этой балканизации сходны и воспроизводятся в разных языках в разное время с очевидной закономерностью, что ставит вопрос об общих и частных, внутренних и внешних причинах такого развития, их удельном весе, а также о степени детерминированности языкового изменения внутренними и внешними параметрами.

Что касается внешних причин, то переборка известных балканскому языкознанию *социолингвистических ситуаций*, имевших место в истории полуострова и имеющих место в настоящее время, очевидно не позволяет указать на такие конкретные обстоятельства, которые можно было бы признать «ответственными» за конвергенцию балканских языков. Например, известные в истории ситуации сильного социального языкового доминирования, возникающие при сочетании престижности языка государства и религии с массовостью его носителей, приводят на Балканах к смене субдоминантного L1 социально доминирующим L2: так, палеобалканские народы в Античности и в Средние века переходят на греческий, латинский и славянские языки; так, романцы Адриатического побережья, Западных Балкан и Болгарии в Средние века и в Новое время переходят на славянские языки; так, славяне Валахии,

Албании и Греции в Средние века, в Новое и Новейшее время переходят на романскую, албанскую и греческую речь. Тем не менее конкретные лингвистические результаты таких смен языка, отраженные в языковой материи и структуре, оказываются глубоко различными. В одних случаях проявляются глубокие субстанциональные и функциональные следы субстратного воздействия, вплоть до полной перестройки языкового типа (таков, например, весь т. наз. балканороманский и весь балканославянский ареал, а в особенности — западномакедонские диалекты последнего), в других эти следы видимо отсутствуют (это, например, южноалбанские тоскские диалекты), причем иногда даже в лексике (такова, например, сербохорватская новоштокавщина). Так же и в ситуации сохранения L1, несмотря на сильную социальную доминацию со стороны L2, результатом могут быть как глубокая субстанциональная и функциональная перестройка L1 на всех языковых уровнях (это, например, арумынские фаршеротские говоры Албании), так и отсутствие существенных изменений (это, например, пиндские арумынские говоры в Греции). Достаточно часто к структурно незначительным результатам сильного внешнего влияния приводят ситуации сепарации крупных этнических групп (таких, как славяне-мусульмане Греции, греки Дропула в Албании, славяне Восточной Албании). Однако также и инклюзия малой иноязычной этнической группы в более крупную при сохранении первой своего языка может не привести к серьезным структурным изменениям (это, например, «влашские» говоры Восточной Сербии). В результате оказывается невозможным прямо указать на те социолингвистические обстоятельства, которые с большой долей вероятности или прямо вызвали конвергентное развитие балканских языков, или ему существенно способствовали. Это приводит к появлению в балканистическом научном дискурсе умозрительных объяснительных моделей, не подтверждаемых «в мире вещей», т. е. фактами языка¹. На данном фоне поиск в современном ландшафте Балканского полуострова более редких и, возможно, ныне даже уникальных ситуаций языкового контакта — важная задача, а исследование их в случае обнаружения ставит нашу дисциплину перед новыми методологическими вызовами.

Балканское языкознание не располагает эксклюзивным методом исследования и использует *набор методов*, который в своей совокупности также не уникален. Вместе с тем, выход за рамки идиоэтнических языков и замкнутого дискурса национальных филологий; обращение не к стандартным формам

¹ Затруднительно признать эвристическую ценность не только за такими теоретическими моделями, но и за переписыванием старой информации в новых терминах (примером может послужить генеративистский анализ тривиальных фактов балканских языков); за субституцией классических терминов англоязычными, входящими в иные семантические поля, обладающими иной внутренней формой и иными ассоциативными связями (англ. linguistic area вместо фр. l'union linguistique, нем. Sprachbund, рус. языковой союз); за необоснованным семантическим расширением классического термина для привлечения внимания более широкого научного сообщества («креолизация» применительно к языковой балканизации); за политическим и националистическим ангажементом в лингвистике и любыми претензиями на верховенство толкования. Мы полагаем, тем не менее, что этот информационный шум можно отсеять, предъявляя научному сообществу достаточное количество фактов о языках Балканского полуострова, добытых корректным применением методов эмпирического научного исследования.

языков, но к диалектам; учет исторических судеб носителей включая миграции, полигlossию и смены языка; а в итоге — рассмотрение языкового ландшафта полуострова как межъязыкового континиума в синхронии и в диахронии суть методологические доминанты балканистики. Любой подход в языкознании, который позволяет а) вскрыть, непротиворечиво описать и объяснить систему балканских межъязыковых сходств и различий в диатопии, диахронии и диастратии; б) установить роль отдельных языков и диалектов в качестве субстрата, суперстрата и адстрата, и в итоге — доноров и реципиентов балканизации; в) выявить и изучить изоморфизм, изосемантизм и изофункциональность единиц языкового инвентаря, следует признать адекватным нашему объекту изучения.

Даже если оставить в стороне такие очевидные лакуны в наборе имеющихся в нашем распоряжении лингвистических источников, как отсутствие для всех или ряда балканских языков полных этимологических и исторических словарей, диалектологических атласов, крупных коллекций диалектных текстов и исторических текстов «на народном языке», обращение к диалектам балканских языков ставит исследователя еще и перед проблемой малочисленности, несистемности, фрагментарности доступных описаний и часто полной межъязыковой несопоставимости накопленного в разных национальных диалектологиях материала, включая данные крупных национальных языковых архивов и картотек. В таком случае *собственная полевая работа* с целью получить качественные, достаточные по количеству, системные и сопоставимые, часто уникальные и неповторимые факты разных языков — единственный способ решения данной проблемы. При этом на первый план выходят методы получения первичных данных (англ. data mining), которое реализуется в следующих рабочих шагах: выбор мест (сетки пунктов) исследования и составление его программы (лингвистического вопросника и тем для свободных интервью); разработка критериев отбора информантов; организация и проведение полевого исследования, включая применение разных техник интервьюирования; архивирование, транскрибирование и публикация материала.

Обращение к диалектному билингвизму недоминантного типа при функциональном равновесии L1 и L2 в речевых практиках и языковых компетенциях говорящих служит примером поиска редких языковых ситуаций как возможных внешних причин языковых изменений, приводящих к конвергенции без утраты каждым из языков своей самобытности. В течение десятилетия в Санкт-Петербургской балканистике формируется *парадигма полевого исследования билингвизма* данного типа. Первоначально нам не было известно, бытует ли вообще в настоящее время недоминантный, или равновесный, диалектный билингвизм в каких-либо традиционных локальных сообществах на Балканах, каковы характеристики соответствующей языковой, социальной и культурной ситуации², и происходят ли в контактирующих диалектах изме-

² В данной статье мы оставляем в стороне такие вопросы, как: являются ли такие сообщества симбиотическими в строгом смысле термина и возможна ли у таких групп людей единая традиционная культура, опосредуемая двумя различными языковыми кодами?

нения, доступные наблюдению. Можно предположить, что равновесный билингвизм играл некоторую роль при возникновении и распространении балканских союзообразующих признаков. Об этом свидетельствовала бы более высокая степень всесторонней *взаимной аккомодации диалектов*, реализующихся в речи членов таких сообществ, по сравнению с речью монолингвов-носителей тех же диалектов. *Речевые стратегии билингва* могли бы, со своей стороны, раскрыть механизмы появления адстратных инноваций в диалектах L1 и L2, приводящих к их дивергентному развитию относительно родственных.

Парадигма изучения ситуаций с недоминантным билингвизмом разрабатывается на материале, полученном в трех руральных антропогеографических микрорегионах — Мрковичи в Черногории [Morozova 2019; Morozova, Rusakov 2019], Карашево в Румынии [Konior 2017] и Химара в Албании [Соболев 2017; Joseph et al. 2019], где в течение длительного периода времени воспроизводится ситуация двуязычия без смены языка. Первым шагом исследования является выдвижение гипотезы о существовании искомой языковой ситуации в конкретном локальном сообществе. Отправной точкой в одном случае служит сообщение этнографа о регулярном проникновении албанского L2 в славянскую среду вследствие экзогамии [Јовићевић 1922], во втором — предположение диалектолога о смене славянского языка румынским в некоторой части этнической группы [Сырку 1899], в третьем — острая научная и общественная полемика об этнической принадлежности и родном языке (L1 албанский или греческий?) населения региона [Nasi et al. 2004]. Гипотезу во всех трех микрорегионах подкрепляет наличие ситуации фронта, в случае Карашево — в прошлом.

Проверка гипотезы осуществляется на материале качественных первичных данных, добываемых в диалектологической экспедиции в руральные районы³. Ей предшествует анализ научной литературы и официальных статистических данных по этническим группам, языкам и диалектам каждого микрорегиона, сведений о всех уровнях структуры контактирующих диалектов, о местных традиционных культурах и особенностях вероисповедания. Основу программы исследования составляют модифицированные вопросники «Малого диалектологического атласа балканских языков (МДАБЯ)» — лексический, этнолингвистический и синтаксический. Их отличает полнота функционально-семантической сетки; запрос на ответы респондента в форме как междиалектного, так и межязыкового перевода; тщательно отобранный релевантный для Балканского полуострова круг тем этнолингвистических интервью, позволяющих получать длительные связные диалектные нарративы. В итоге материал, добытый применением вопросников, всегда контролируется фактами спонтанной устной речи информантов.

Перед началом *полевой работы* необходимо установить контакты с местной администрацией, учителями, работниками культуры и священнослужителями, разяснив цели и содержание работы и получив в ответ рекомендации

³ Вопросы городской диалектологии Балканского полуострова разработаны на настоящий момент недостаточно и в статье не рассматриваются.

провести интервью с кем-либо из местных жителей. Более чем желательно избегать любого взаимодействия с политическими партиями. При поиске и отборе репрезентативных информантов для исследования применяется прототипический подход: экспертная оценка языковых и диалектных компетенций собеседника производится на основе полноты и последовательности реализации разноуровневых признаков местного говора в его речи (т. е. диалектной когерентности речи на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях), а также на основе полноты и точности знаний о местной традиционной культуре (т. е. о народном календаре, семейной обрядности, мифологии, традиционной хозяйственной деятельности), но далеко не в последнюю очередь — на основе способности информанта порождать связную речь. Он воспринимается как уникальная свободная творческая личность, т. е. как субъект, а не как один из объектов материальных и социальных сил. Несмотря на ограниченность в ресурсах, предпочтение отдается качественному, а не количественному подходу, но некоторое равновесие в представленности первичных данных от говорящих разных поколений и обоих полов необходимо соблюдать.

При *интервьюировании* следует отказаться от суггестивных и оценочных вопросов, а также от вопросов об идентичности. При этом полезна инклюзия, активное и глубокое погружение в тему беседы, в т. ч. с использованием местных дискурсивных маркеров; можно, применяя основные признаки местных говоров обоих контактирующих языков, создать собственный исследовательский идиолект и приспособлять его к конкретным ситуациям общения с целью уменьшения «эффекта постороннего». Важным обстоятельством является то, что в российской балканистике не практикуется привлечение местных носителей языков в качестве собирателей первичного языкового материала. Не допускается скрытая запись. Аудио и видеозапись, а также фиксация и дальнейшая публикация личных сведений об информанте разрешается лишь при наличии его явно выраженного согласия. Для углубления в ход и содержание беседы интервьюеру полезно делать рукописные пометки в своем блокноте диалектолога, не полагаясь целиком на технику и собственную краткосрочную память.

После установления того факта, что изучаемое сообщество полностью монолингвально и бытующая в нем языковая ситуация не представляет интереса или, напротив, что сообщество полностью или в одной какой-то своей части билингвально и должно быть обследовано, начинается *реализация подготовленной программы*. При этом у представителей одноязычной части сообщества запись производится на одном языке, тогда как у двуязычных — на обоих; во всех случаях необходима экспертная оценка языковых компетенций говорящего. Можно рекомендовать в первую очередь записать нарративы о традиционной культуре, обратившись к речи пожилых информантов. При этом правильнее работать с одним, но не с группой говорящих одновременно. Обычно в патриархальных балканских сообществах первыми информантами становятся мужчины, которым можно с самого начала задавать вопросы о происхождении и истории населенного пункта, крайны, племени, их соб-

ственного рода, о традициях, о бытующих в микрорегионе языках и о соседних этнических группах. Помимо демонстрации исследователем уважения к многочисленным правилам балканского этикета, это позволит обрести надежные точки референции в последующих беседах как с теми же, так и с другими информантами; нарративы желательно предварительно проанализировать в конце того же рабочего дня. Затем можно переходить к записи лексики (например, по хорошо известным всем проживающим в сельской местности информантам лексико-семантическим группам «Части тела», «Термины родства и свойства», «Мелкое животноводство», «Дни недели и месяцы», «Календарная обрядность», «Семейная обрядность», «Мифология» и проч.), элицитации грамматических примеров, фиксации новых нарративов, в т. ч. о личной истории собеседника, истории его брака и семьи. Необходимо бережно относиться к времени и силам собеседника. В ходе первой экспедиции достаточно обследовать речь двоих монолингвальных информантов и четверых билингвальных, сделал 10 часов качественных аудио- или видеозаписей связных текстов. Тогда же необходимо провести первичное обследование языковой ситуации в церквях, мечетях и текке, в школе, в местной администрации, в политических организациях и в местных СМИ, и — сфотографировать публичные маркеры этой ситуации, такие как официальные и частные объявления, информационные стенды, реклама, надписи, таблички с названиями населенных пунктов, улиц и проч. Полезно антропологическое обследование кладбищ. Имеет смысл приобрести не доступную в иных местах краеведческую литературу о регионе.

В случае перспективности дальнейшего исследования можно приступать к разработке детальной программы будущей *тематической экспедиции*, например «Микровариативность в контактирующих диалектах и речевое поведение билингва в ситуации лингвистической экзогамии у племени мрковичей», «Языковой код свадебной обрядности билингвального сообщества Карашево», «Переключение кодов в спонтанной речи билингвов Химары». Далее необходим социолингвистический анализ параметров языковой ситуации, в т. ч. установление доменов каждого из контактирующих диалектов и графических систем соответствующих языков (в т. ч. фактических доменов каждого из двух стандартных языков), умений читать и писать на обоих языках, в т. ч. при использовании современных устройств связи, радио, телевидения, книг и периодики религиозного и светского содержания. Важны языки фольклора, как песенного, так и нарративного. Полезно записать официальные нарративы о сообществе, порождаемые священнослужителями и учителями, зафиксировать при наличии языковое, религиозное, культурное и политическое влияние извне (например Албании в случае мрковичей, Хорватии — в Карашево, Греции — в Химаре), отметить возможное наличие политической проблемы, связанной с признанием этнического меньшинства и его языковых прав. Накопление количественно достаточного материала в будущем сделает возможным создание цифровых корпусов двуязычной диалектной речи.

При решении вопроса о квалификации изучаемой языковой ситуации (о наличии или отсутствии доминирования) и о распределении L1 и L2 сообщества, следует принять во внимание различия между *доминанцией социальной, прагматической и когнитивной*. Важно провести социолингвистическое профилирование говорящих по полу, возрасту, L1, L2, происхождению; описать индивидуальные сценарии их билингвального речевого поведения; установить их речевые стратегии при общении с членами семьи, своего сообщества и с представителями внешнего мира. Возможно, языковое варьирование или некоторое языковое изменение окажется связанным с определенной речевой практикой конкретного информанта или типа информантов.

Помимо *контактно обусловленных черт* фонетики, морфонологии, морфосинтаксиса, синтаксиса и лексики обоих изучаемых диалектов, проявляющихся прежде всего на фоне иных диалектов контактирующих языков, необходимо зафиксировать бытующие в группе лингвонимы и микролингвонимы, как внутренние, так и внешние, и установить их отношение к официальным и принятым в языкознании. Важны эндо- и экзоэтнонимы, а также ктеттики; при сборе антропонимов следует различать имя собственное, фамилию, родовое имя и прозвище, а также учесть, что они могут быть разными на разных языках. Нельзя обойти вниманием названия населенных пунктов крайны или племенной области на обоих языках и микропонимиию (гидронимиию, оронимиию, названия полей, садов, пастбищ, лесов и проч.), в т. ч. переводную; это поможет реконструировать этапы заселения территории на фоне данных средневековых монастырских грамот, венецианских, османских и австрийских переписей населения. При возможности желательно установить степень лингвогеографической вариативности обнаруженных явлений в ряде населенных пунктов микрорегиона.

Сбор *культурно-антропологических сведений*, в т. ч. о культурных маркерах группы, не может охватить все стороны жизни сообщества и его членов, но должен ограничиться наиболее релевантными для анализа местной языковой ситуации. К ним относятся традиционная одежда; религиозные практики; генеалогические реконструкции; брачные стратегии и в особенности лингвистическая экзогамия, межконфессиональные и межэтнические браки; занимаемые сообществом экономические и социальные ниши на территории проживания (животноводство, рыболовство, садоводство и проч.); экономическая деятельность мужчин и женщин вне территории сообщества (отхожие промыслы, работа на фабриках и т. п.); группы людей, с которыми контактирует изучаемое сообщество (брачные связи, хозяйственная деятельность, религиозные практики); особая государственная политика в отношении сообщества, в т. ч. ограничения, запреты и привилегии разных исторических периодов; имущественное расслоение, эмиграция и новые экономические возможности (туризм, продажа земли и проч.).

Известные из научной литературы *результаты влияния* контактирующих диалектов друг на друга по всем уровням структуры необходимо сопоставить с теми, которые установлены на собственном новом материале. Важно предпринять попытку отделить синхроническую языковую микровариативность

и текущие процессы микродиахронических изменений от завершённых результатов, различая по степени адаптированности языком-реципиентом на разных языковых уровнях многословные переключения кодов, иноязычные вставки, окказиональные заимствования и собственно состоявшиеся заимствования. При этом различные уровни языковой структуры, например, фонетический и морфологический, могут демонстрировать существенно различную степень адаптации и интегрированности в язык-реципиент одной и той же единицы языка-донора (ср. [Poplack et al. 2020]). Для лексики семантической группы необходимо с опорой на этимологические и диалектные словари, а при наличии — и на диалектологические атласы, провести этимологический анализ, по возможности установить все генетические слои лексики и их процентное соотношение, установить иноязычные субституты исконных слов и сосуществование разноязычных синонимов и дублетов, определить направления материальных заимствований, а также заимствований семантических, т. е. полных и частичных калек.

Качественные, хотя и немногочисленные первичные данные, полученные в рамках описанной парадигмы работы при изучении краин Мрковичи, Карашево и Химара, позволили оценить роль когнитивно недоминантного билингвизма в контактнообусловленном языковом изменении как невысокую, а саму ситуацию признать вряд ли «ответственной» за глубокую конвергенцию балканских языков. Билингвы с $L1=L2$ во всех коммуникативных ситуациях всегда пользуются двумя фонологиями, двумя грамматиками и — за исключением специализированной терминологии — двумя лексиконами; их не обременяет двойная когнитивная нагрузка по запоминанию и использованию двух сложных синтетико-аналитических языковых систем с многочисленными идиосинкратическими формами и моделями. Контактирующие диалекты во всех случаях не демонстрируют повышенной взаимной аккомодации, не наблюдается ни креолизации, ни смешения, ни гибридизации, ни отказа от одного из языков, ни языковой смерти. Таким образом, положительным результатом исследования в рамках разработанной парадигмы помимо собственно обнаружения самих ситуаций недоминантного билингвизма можно признать методологически корректное *уменьшение числа гипотез*, претендующих на раскрытие причин и механизмов формирования Балканского языкового союза.

ЛИТЕРАТУРА

- Јовићевућ А.* Црногорско приморје и Крајина // Српски етнографски зборник. 1922. Књ. 11. С. 1–171.
- Соболев А. Н.* Языки симбиотических сообществ Западных Балкан: греческий и албанский в краине Химара, Албания // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 420–442.
- Сырку П. А.* Наречие карашевцев // Известия ОРЯС. 1899. Т. IV. Вып. 2. С. 641–660.
- Joseph B., Novik A. A., Sobolev A. N., Spiro A.* Greek and Albanian in Palasa and Environs: A Report from the Field // Modern Greek Dialects and Linguistic Theory. Proceedings of the 8th International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory (MGDLT8). Gjirokastër, 4–6 October 2018 / Ed. by A. Rally et al. Patras: University of Patras, 2019. P. 69–78.
- Konior D. V.* «The labalcea phenomenon» in the area of Caraşova, Romania // Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR). Vol. 122: Proceedings of the 45th Interna-

tional Philological Conference (IPC 2016) / Eds. S. Monakhov, I. Vasilyeva, M. Khokhlova. Atlantis Press, 2017. P. 318–322.

Morozova M. S. Language Contact in Social Context: Kinship Terms and Kinship Relations of the Mrkovići in Southern Montenegro // *Journal of language contact*. 2019. Vol. 12. Iss. 2. P. 305–343.

Morozova M. S., Rusakov A. Yu. Montenegrin-Albanian Linguistic Border: In Search of «Balanced Language Contact» // *Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2019. Т. 7. Вып. 2. С. 258–302.

Nasi L. et al. (red.). *Himara në shekuj*. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2004. 505 f.

Poplack S., Robillard S., Dion N., Paolillo J. C. Revisiting phonetic integration in bilingual borrowing // *Language*. 2020. Vol. 96. No 1. P. 126–159.